

РАССКАЗЫ

ПОДАРОК МАМЕ

Однажды летним утром, после выпуска из детского сада и поступления в первый класс, у меня было такое радостное настроение, что захотелось подарить маме что-то особенное. Не на какой-нибудь праздник. А без всякой причины и от чистого сердца. Так, как папа иногда дарит ей цветы, а нам с сестрой наклейки, книжные закладки и всякие мелочи для пополнения коллекций милых вещей.

Я лежала, наблюдая, как восходящее солнце постепенно проникает в детскую сквозь тонкую занавеску. Гибкие стебли с листьями поднимались по полупрозрачной ткани от пола до карниза. А я лежала и размышляла, чем же таким маму осчастливить.

Решение пришло невероятно быстро: «Подарок я куплю в магазине!»

— Ма-а-м! — затянула я как можно громче.

Кроме нас двоих и кошки Маркизы, дома никого не было. Сестра и папа рано утром уехали к бабушке с дедушкой на дачу. А я сказала, что у меня болит живот, и осталась дома.

На самом деле ехать не хотел никто, но, по словам бабушки, только для нас огород и выращивался. Поэтому папа сказал, что нужно ехать «добровольно-принудительно», соответственно, «не хочу — не аргумент». И так как детское место «заболевшего» я уже заняла, Полине пришлось ехать. Да и оставить папу в одиночестве было бы некрасиво.

— Ма-а-м! Давай вставать!

— Опять живот? — послышалось из родительской комнаты.

Голос мамы звучал мягко, тягуче и сонно, но встревоженно. Я улыбнулась и потянулась, все еще лежа на кровати под голубым пододеяльником с дельфинами.

— Не-а! — как можно громче ответила я, несясь к ней в комнату, чтобы залезть под большое родительское одеяло. — Уже совсем не болит.

Юрк. И я там. Тепло, хорошо, мама обнимает. И ни с кем не надо ее делить.

— Если ты чего-то не хочешь, в следующий раз скажи честно, хорошо?

Я кивнула. Хотя и не совсем поняла, почему мама сама не следует этому совету. Ведь она тоже соврала папе, что у нее разболелась голова.

— Пошли гулять, а, мам? — спросила я самым нежным голосом.

— Только умоемся для начала и позавтракаем, — утвердительно ответила она.

И вот мы уже были на улице. А я всюю рассматривала фасады с крупными ребристыми кирпичами на домах Большого проспекта. Витрин было великое множество. Цветные, светящиеся, за огромными стеклами, вымытыми до блеска. «Канцтовары»,

Ариадна Эйзенхарт родилась в 1993 году в Санкт-Петербурге. Окончила СПбГУПТД, специальность «Реклама и связи с общественностью». Лауреат конкурса «Хрустальный родник» (2021). Финалистка международной литературной премии «ДИАС» (2022). Публиковалась в альманахе «Славянское слово», журналах «Север», «Нева». Живет в Баку.

«Ателье», «Дом мод» — все было не то. «Часы» тоже мне не подходили. «Игрушки»... Эх, не то. «Ювелирные изделия» — вот идеальный подарок!

— Мама, — дернула я ее за рукав легкого платья.

— Что, Маришенька?

Я отчеканила:

— Хочу сделать тебе подарок.

— Какой? — улыбнулась мама.

В этот момент она показалась мне невероятной красавицей, достойной самого изысканного подарка. Светлые волосы кудрями падали на спину. Платье у нее было, как в кино, темно-зеленое с поясом и юбкой-тюльпаном. А на голове солнечные очки вместо обруча. В Петербурге мы обычно надевали их без надлежащего повода в виде ослепляющих лучей.

— Сюрприз! — бойко ответила я. — Закрой глаза, я быстро.

Мама удивилась:

— Куда это ты собралась?

— За подарком, конечно! — ответила я и пояснила: — Можешь у дверей постоять.

Мама вопросительно посмотрела на меня. Ее губы то улыбались, то вытягивались в струну. Она была озадачена.

— Кольцо хочу тебе подарить! — с гордостью заявила я. — Куплю его в ювелирном магазине. А ты здесь подожди.

Мама изумленно улыбнулась и согласилась остаться снаружи в ожидании сюрприза. А я потянула на себя тяжелую деревянную дверь, которая походила на окно, таким огромным было стекло посередине. Внутри оказалось пусто и тихо, яркий свет, запах почти больничный, огромные золотые люстры и мерцающие прилавки по всему периметру.

— Тебе помочь, девочка? — появилась вдруг женщина средних лет в аккуратном деловом костюме.

— Я маме кольцо подарить хочу.

— Золотое или серебряное? — уточнила продавщица.

— С камнем! — почти выкрикнула я, разволновавшись от серьезности происходящего.

Женщина за прилавком деликатно меня расспрашивала. И каждую фразу поясняла, чтобы все точно было понятно. В подготовительной школе учителя ко мне относились совсем не так.

— Какого цвета камень ты бы хотела? Желто-оранжевая гамма, к примеру, что-то пунцовое (красное), ультрамарин, то есть синий, зеленые оттенки... Прозрачный, может быть?

— Синий! — снова громче, чем нужно, ответила я.

— Не волнуйся, — улыбнулась помощница, заметившая мое смятение. — Сейчас мы подберем подарок для твоей мамы. Ты знаешь названия драгоценных камней? Или все кольца с самоцветами посмотрим?

— Только с большими, пожалуйста.

Она снова утвердительно улыбнулась, и мы приступили. Продавщица доставала кольца и аккуратно по одному клала на бархатистые салфеточки, поясняя каждое название. Лазурит, циркон, турмалин.

— А это, — с неподдельным восхищением сказала чудесная женщина, — сапфир!

У меня перехватило дыхание от восторга. Камень был очень красивый, глубокого синего цвета с множеством граней. И блестел как самый совершенный бриллиант.

— А есть еще больше? — сразу уточнила я.

— Думаешь, что размер кольца другой нужен?

— Нет, — с изумлением ответила я, — а они разного размера бывают?

Уголки губ продавщицы разъехались так широко, что за ними показались зубы. Конечно, в таком огромном магазине продавались кольца всевозможных размеров. И камни тоже какие только душе угодно. Об этом мне любезно рассказали.

Я громогласно заключила:

— Хочу самый большой сапфир!

Моя помощница смогла улыбнуться еще шире. От радости я захлопала в ладоши. И тут же покосилась на входную дверь, чтобы проверить, как там мама. Ждет ли она меня. И конечно, представить, как же я ее обрадую.

— Вот оно! — продавщица напоминала лису. — Только оно страшно дорогое.

Я удивилась. Неужели такие глупости могли меня переубедить?

— Мне для мамы ничего не жалко! Сколько оно стоит?

— Двадцать тысяч рублей, — серьезно ответила помощница.

Я уточнила:

— Это очень много, да? Там после двойки сколько нулей?

— Четыре.

У меня глаза на лоб вылезли от такого количества цифр:

— Четыре?

— Именно, — подтвердила продавщица и сжалась: — Я тебе на бумажке напишу. Давай?

— Спасибо, — смутилась я, потому что такого числа еще не знала, и тут же мысленно себя успокоила: «А может, оно только денежное, и для счета используют другие?»

Продавщица протянула мне бумажку со стоимостью кольца. Число два я знала. Ноль тоже. Двойка была одна, а нулей целых четыре. Это понятно. Но число рисовалось действительно страшное.

— Я сейчас.

И я поспешила к выходу.

У дверей мама разговаривала с Глафирой Петровной, нашей соседкой. Как и большинство старушек, та носила здоровенные очки и, как почти ни одна из них, голубые джинсы. Волосы ее были волнистыми, но без маминых кудрей и лишь слегка касались плеч. Еще соседка пожимала сама себе руку, вложив пальцы правой в левую раскрытую ладонь. Родители говорили, что она пожилая. Но мне казалось, что наши бабушки старше. А ведь они тоже пожилые. Когда же все-таки ими становятся, я пока не поняла.

Перебивать старших нельзя. Поэтому, подойдя к ним, я стала ждать, когда на меня обратят внимание. Разговор был, по-видимому, увлекательный. Обе выглядели оживленно. Что-то о протечках, соседях с четвертого этажа и побелке. Заезавшись, я стала смотреть по сторонам и впервые обратила внимание на дом напротив. Мы часто проходили мимо с родителями, но голову вверх никогда не поднимали.

Угловая часть здания, которая выходила на перекресток, мягко закруглялась. По ней росли колонны в три этажа с нарядными царственными верхушками. Только это были не совсем настоящие колонны, а с острыми углами и выступающие из стен не полностью. И балкон, точно пояс, шел полукругом там, где они начинались. Я подумала, что хотела бы очутиться в этой башне и смотреть на Большой проспект, буд-то принцесса.

— Здравствуй, Мариночка, — сказала Глафира Петровна. — Это доходный дом Бадаева. Раньше на углу находился высокий купол, отсюда ох как хорошо было им любоваться. А балкон? Посмотрите! Фронтоны изумительные, каждая деталь! А в шестидесятые здесь был отличный гастроном...

Соседка почти беззвучно засмеялась. Она старалась не разжимать губы и даже прикрыла рот рукой. Пока старушка разглядывала почти что дворец напротив и размыш-

ляла, что бы еще нам рассказать о том, какая в ее юности была удивительная жизнь, я поспешила внедриться в разговор.

— Ага, понятно.

И быстро поздоровавшись, я перешла к делу:

— А я маме подарок покупаю.

Повернувшись к маме, продолжаю:

— Дай, пожалуйста, свой кошелек.

Но внезапно она меня остановила, положив руку на плечо:

— Марина, сначала скажи, сколько будет стоить твой подарок?

— Но это же сюрприз! — восторженно вскрикнула я. — Кольцо вот с таким огромным сапфиром!

Пока я усердно руками вырисовывала размеры драгоценного камня, мама почему-то не сильно радовалась будущему сюрпризу.

— Сколько же будет стоить такое кольцо?

— Страш-шно дорого, — пояснила я еще раз. — Вот, на бумажке.

Мама чем-то поперхнулась и закашлялась, хотя сухарей не ела. Я постучала ее по спине, как нас учил папа. И это помогло. Она присела на корточки рядом со мной и взяла за руку. Назревал серьезный разговор.

— Маришенька... Очень дорого. Мы не можем купить это кольцо.

— Но я хочу сделать тебе подарок! — возразила я.

— Знаю, — ответила мама.

Она всегда понимала нас. И могла все объяснить. Кроме математики.

— На эту сумму, — мама показала мне бумажку с одной двойкой и четырьмя нулями, — мы живем целый месяц. Ты, я, папа, Полина и Маркиза. Покупаем еду, платим за воду, газ, телефон, электричество, чтобы у нас все было. Понимаешь?

— Да, — расстроено ответила я.

— Может, я помогу Мариночке выбрать другой подарок? — предложила помощь Глафира Петровна.

Маме было неловко. Мне тоже. Мы переглянулись, и обе, не сговариваясь, закусили нижнюю губу. Но я все равно уточнила:

— Можно, мам?

Она посмотрела на меня с беспокойством, улыбнулась и медленно, стараясь подобрать нужные слова, произнесла:

— Только недорогой подарок. Необязательно покупать кольцо. Мне будет приятно получить даже простую булавочку. Главное, что это от тебя и с любовью.

— Мам, напиши на бумажке, — попросила я.

— А давайте поступим вот как, — пришла на выручку Глафира Петровна, — мы сразу возьмем сумму, которую можем потратить на подарок.

Поднявшись, мама снова стала высокой. Они говорили тихо. Потом мама достала из сумки кошелек и выдала Глафире Петровне одну бумажную деньгу. И соседка, взяв меня за руку, направилась в магазин.

Когда любезная продавщица, с которой я разговаривала в первый раз, обратилась к нам, Глафира Петровна тут же ее прервала:

— Будьте добры, подскажите, что можно приобрести на имеющуюся у нас сумму.

Она продемонстрировала помощнице сложенную пополам бумажку. И они с зеркальными улыбками на лицах друг другу кивнули.

— Подобрать будет непросто, — учтиво сказала продавщица. И, решив меня подбодрить, добавила: — Но мы обязательно найдем для твоей мамы самый лучший подарок!

— Кольцо с сапфиром? Можно камень поменьше, я согласна! — воодушевилась я.

— Кольцами маму будешь радовать, когда вырастешь, Мариночка, — снова вмешалась Глафира Петровна, — а сейчас присмотрим что-нибудь попроще.

Пока соседка меня успокаивала, помощница уже выкладывала на прилавок всякие мелочи. Странные фигурные булавки, ремешки без часов и прочие безделушки. Я не могла понять, серьезно ли она думает, что подобные вещицы понравятся маме.

— Такое дарить не буду! — отрезала я.

Глафира Петровна принялась ощупывать каждую безделушку.

— Вот эта брошь выглядит вполне достойно, — заключила она и продемонстрировала обычную булавку с нанизанными на одну сторону тремя маленькими камнями.

Я расстроено возразила:

— Это даже не брошь, а булавка.

В этот момент мне бросились в глаза руки направляющейся к нам продавщицы. Она держала в них маленькую рубиновую рюмку, которая сначала даже показалась мне мерцающим драгоценным камнем. Ножка у нее была бесцветной, ребристой и словно просвечивала насквозь. Между ней и чашей переливался прозрачный камень с множеством граней. Сама чаша красная с высеченными полупрозрачными узорами. Первый — летящая семиконечная звезда, а вокруг будто водоворот или вьюга. Это изображение чередовалось с аккуратными маленькими листиками. Затем снова звезда, и между первой и последней — вновь листья. Рюмка сияла невероятно. И больше ничего смотреть не хотелось.

— Рубин... — в восхищении сказала я.

— Хрусталь, — пояснила помощница.

Через минуту мы с Глафирой Петровной уже выходили из магазина.

— Мама, — торжественно произнесла я, — это тебе.

Она улыбнулась нам, взглянула на соседку и сказала:

— Спасибо.

Мне не терпелось увидеть радость мамы:

— Давай открывай скорее!

— Ах!

Мама была поражена великолепием рюмки и больше никаких слов подобрать не смогла. Только сдерживала счастливые смешки.

— Рубин! — с горделивой улыбкой, победоносно задрав нос, пояснила я.

— Хрусталь, — шепотом добавила Глафира Петровна.

ДАШЬ ПОКАТАТЬСЯ?

Шли недели, и продленка постепенно начала становиться чем-то обыденным. Перестала вызывать негодование и обиду, оттого что большинство ребят забирали домой, а я была вынуждена дожидаться бабушку, которая приходила только после окончания учебного дня у пятиклассников, чтобы забрать сразу двух внуков. Кроме того, я обнаружила в этом особые прелести. К примеру, когда возвращаешься домой после занятий — нужно делать уроки, а после группы продленного дня — нет. И пусть уже не целый день впереди, все равно душа радуется, что не придется сидеть за письменным столом. Да и с заданиями нам всегда помогала учительница, поэтому каждый справлялся быстро.

Обед, конечно, относился к минусам, из-за которых я продолжала страдать. Его заставляли есть, хотя пюре с котлетой всегда были холодными и мерзкими. Зато про-

гулка на школьной площадке, куда все отправлялись сразу после, это окупала. Пускай мы там находились под учительским надзором, зато в нашем распоряжении были разнообразные лазалки, качели, канаты, шатающиеся цепочные мостики и горки. Но главное, разрешалось кричать, визжать и бегать.

В группе собирались дети из всех первых—вторых классов. Но все равно получалось немного, и половина кабинета пустовала. Нами заведовала Катерина Ивановна, напоминавшая раскатанный пластилин. Длинные ноги и руки, вытянутое лицо. И двигалась она тоже странно, будто конечности ее не слушались.

Мою подружку Аню всегда забирали сразу после уроков, и я вынуждена была искать общения с кем-то еще. Приспособиться оказалось непросто. Но в итоге все получилось, как всегда и бывает. И у меня на время уроков закрепились одни друзья, а после другие.

В первом классе дружба стала более явной и понятной, чем в детском саду, где ты играешь с тем, кто занимается чем-то интересным, и в целом — дружишь со всеми, как и во дворе. Хотя, конечно, и там кто-то из детей мне казался ближе остальных. Но к началу учебного года все эти ребята стали далеким воспоминанием, и я принялась фантазировать о будущих школьных товарищах, с которыми предстояло проучиться вместе много лет и из малышей превратиться почти во взрослых.

Тогда я не подозревала: пройдет время, и моя ЛПН еще с праздничной линейки на День знаний покажет мне, что такое обман и предательство. А я пойму, какие девочки не могут быть «Лучшими Подругами Навсегда», потому что перестать обижаться можно, но доверять и даже просто общаться — нет. Не знала я и того, что Лина, которая тоже оставалась на продленке в первом и втором классах, внезапно переедет в другой город и в далеком будущем — на третьем году школьной жизни — я обрету ЛПН уже в лице Катюшки, хотя в первый учебный год мы вообще не привлекли внимания друг друга.

Такой насыщенной, разнообразной и эмоциональной оказалась для меня школьная жизнь. В каждом классе ежемесячно и даже ежедневно происходило что-то побуждающее заплакать или засмеяться, заинтересоваться или нечаянно зевнуть от скуки, поразиться или самой блеснуть знаниями. Какие-то дни оборачивались веселыми приключениями, а какие-то напоминали полосу препятствий или даже каторгу. Происходило так много всего, что учеба стала лишь фоном для массы событий и открытий, которые помогли мне позже сориентироваться в мире взрослых и взрослых лишь внешне людей.

В одну «продленную» среду на школьной площадке появился необычный мальчик. Я точно запомнила день, потому что для меня среда всегда значила — большая часть учебной недели позади. Для моей же сестры Полины, которая пошла в пятый класс, теперь среда стала экватором, когда она отучилась ровно столько дней, сколько еще оставалось (ее занятия заканчивались в субботу).

Этот мальчик сразу привлек внимание. Я заметила, что не только мое: родители и даже преподаватели стали отводить взгляды, а дети, поначалу уставившиеся на него, повторяли за взрослыми. Мне стало стыдно, потому что я вспомнила: глазеть на незнакомцев, особенно если в них есть что-то непривычное или странное, или они болеют, и это видно, неприлично. В первые минуты мне совсем не пришло в голову то, что так явственно отводить взгляд тоже нехорошо. А лучше всего — вести себя обычно и быть собой.

Но тогда, в тот самый момент, когда мальчик на инвалидной коляске заехал на школьную площадку, а позади шла его тучная мама с суровым взглядом и иссиня-

черными короткими волосами, я этого не понимала. Раньше я никогда не видела ребенка, который не может ходить, хотя точно выглядит старше двух лет. И это меня очень смутило в первые минуты, пока не подросло любопытство.

Мальчик подъехал к тяжелым железным качелям и остановился сбоку — было занято. Молниеносно появилась мама девочки, которая только успела раскататься. Она громко начала говорить: «Слезай, Ксюша, слезай быстро. Смотри, тут больной мальчик. Уступи». Я услышала каждое слово, потому что, заинтригованная видом коляски, бросила игру в пятнашки и стала приближаться. И поняв смысл с первого взгляда благородных слов, их оскорбительность и неуместность, я покраснела настолько сильно, будто эти фразы произносила сама. Мать же мальчика, привыкшая, казалось, к любым сложным ситуациям, успокаивала ту нервную взрослую.

— Не стоит. Все в порядке. Яша — обычный ребенок и умеет ждать.

Взвинченная мамаша округлила глаза, затараторила что-то невнятное и все равно увела сопротивляющуюся дочь, которая со злобой смотрела на Яшу через плечо.

Пока мама стояла рядом с мальчиком, ловко пересаживающимся на качели при помощи рук, я подошла и встала в мигот рассосавшуюся очередь. Все еще будучи красной и стыдящейся, я ждала, пока эта крупная женщина отойдет и даст нам больше свободы. Будто поняв это, она отошла немного в сторону. И пока вся смелость не испарилась, я завела беседу:

— Тебя Яша зовут, да?

— Ага, — улыбнулся мальчик и блеснул ровными белыми зубами.

— А полное имя какое? Ярослав?

— Нет. — он засмеялся. — Яков.

Краснота спала, и я засияла в ответ:

— А я Марина. Я здесь с продленкой гуляю.

Мальчик слегка нахмурил брови и перевел взгляд вправо, куда-то сквозь пространство, затем мотнул головой и спросил:

— Что это такое — продленка?

— Это после уроков, когда родители не могут тебя забрать, остаешься в школе со специальной учительницей и другими детьми, которых не забрали.

Застеснявшись того, что рассматривала короткие кривые ноги мальчика, я отвела взгляд и спросила:

— А ты тоже в эту школу ходишь?

— Только на английский. Все остальные занятия у меня дома.

— Я не знала, что так можно. — поразила я.

Мы переглянулись, потому что оба уже показали наличие знаний, которых нет у другого, и ощутили неловкость каждый от своего положения. Яша раскачивался, двигаясь одним корпусом. А его мама в нескольких шагах от нас, прислонившись к забору, читала книгу. Но у меня было чувство, что она все равно за нами наблюдает — ушами.

Так как Яша оказался не простым мальчиком, а таким, о существовании которых я еще вчера не знала, мне все-все было интересно. И я задавала слишком много вопросов. Во всяком случае, любопытствовала точно больше, чем обычно с ребятами, впервые встреченными на площадке. Нового друга это не расстраивало, он выглядел расслабленным и даже веселым. Ведь намного радостнее проводить время на детской площадке не в одиночку.

Я решила, что мы уже достаточно близки, и перешла к насущным вопросам:

— У тебя много друзей? А во двор одного отпускают гулять?

— Друзей — целая команда хоккейная! — похвастался Яша.

— Ого! — вскрикнула я от удивления. — Хоккей! Как же ты на коньках катаешься?

— У меня там специальная коляска с полозьями!

И он начал рассказывать про тренировки, команду и соревнования. Лицо мальчика преобразилось, руки перестали держаться за тонкие железные трубы и принялись жестикулировать. Я смотрела на него с интересом и восхищением. Так Яша описывал свое любимое дело, что тут же хотелось вступить в какую-нибудь команду.

— А еще играть во что любишь?

— В «настолки». У нас дома их много разных.

— А я вот их не люблю. Надо долго сидеть на месте, нервничать. А если проиграешь — так обидно, что больше браться за это не хочется!

— Я и так вечно сижу на месте! У меня одной проблемой меньше, — пошутил Яша.

Сумев уловить юмор, я поняла, что смеяться можно. И все еще хихикая, направилась за спину Яши, чтобы толкнуть качели, и лишь на ходу, не ожидая ответа, спросила:

— Хочешь, я тебя раскачаю?

— Нет. Я люблю сам.

От такого внезапного ответа я сначала растерялась. Но вернулась на свое место, отчего-то чувствуя себя свободнее. Поэтому тут же спросила:

— А у тебя ноги болят?

— Нет. Я просто не могу ходить.

— А-а-а, понятно.

Из-за спины послышался голос учительницы группы продленного дня Екатерины Ивановны:

— Нечаева, не приставай к мальчику со своими вопросами.

— Мы просто болтаем, — ответила я, разведя руками.

— Ничего, все в порядке, это нормально. — отозвалась его мама.

И мы продолжили общаться.

У Якова были темные курчавые волосы, казавшиеся мне мягкими, карие глаза, сливавшиеся по цвету со зрачками, и маленькие аккуратные, даже немного кукольные рот и нос. Я заметила, что плечи мальчика казались крупнее, чем у наших сверстников, а руки выглядели более сильными. А вот ноги смотрелись странно. Не верилось, что они от того же тела, ведь обычно комплекция везде одинаковая. Но у Яши ноги почему-то были худые и скрюченные. И при этом у него ничего не болело, а значит — так бывает, и все тут.

— Дашь покататься? — спросила я, показав пальцем на коляску, которая пока пустовала.

— Божешь ты мой! — вскрикнула Катерина Ивановна. — Нечаева! Разве так можно? Тебе не стыдно?! Ты думаешь головой?

С недоумением мы оба на нее уставились. А как ответить на странные вопросы, я не знала. Потому что одалживать на площадке у ребят самокаты, велосипеды и скейт-борды было в порядке вещей — все так делали. Стыдиться тоже было нечего, и голова моя прекрасно соображала. Тем не менее от услышанных фраз стало неловко и даже обидно.

— Пойдите. — снова подоспела на подмогу Яшина мама.

Она серьезным, но спокойным и даже любезным тоном, которым умеют общаться только взрослые, обратилась к моей учительнице:

— Как я могу к вам обращаться?

— Катерина Ивановна, — притормозив и недоверчиво глядя, ответила та.

— Уважаемая Катерина Ивановна, очень вас прошу проявить благоразумие и позволить детям спокойно общаться.

— Но она отбирает коляску у вашего сына!

— Насколько я слышала, Яша разрешил Марине покататься. Правильно, ребята?

Мы закивали. А самая старшая из четверых продолжила еще более тихим голосом, чтобы нам сложнее было расслышать, но достаточно ясным для Катерины Ивановны:

— Для меня и моего сына в радость, если удастся с кем-то спокойно провести время на площадке. Как сейчас он общается с вашей ученицей. Яша разрешил покататься, а потом мы обязательно Марине объясним, как вернуть коляску правильно и почему это важно.

Будто выдохнув из себя лишний воздух, учительница опустила плечи и расслабила мышцы на лице и шее. Взрослые сделали несколько шагов в противоположном от нас направлении. Но наострив уши, мы все равно многое услышали. Только осмыслить получилось не все.

— Вот как бы вы на месте ребенка отнеслись к мальчику, которому дают конфету, потому что он «особенный»? И качели по этой причине ему уступать нужно и аккуратно обходить стороной место, где он играет. А смотреть на мальчика вообще не стоит... Что произойдет в тот момент, когда все взрослые покинут площадку? Кто с ним станет играть, общаться? Кто будет понимать, как это делать, и сможет в случае чего помочь? Не лучше ли показать детям пример: смотреть не стыдно, общаться можно, а все, что в ребенке от них отличается, просто небольшие особенности, которые не сложно учитывать. Все мы разные. Детям можно и нужно это показывать.

— Но ведь существуют правила приличия и безопасности! Этикет! — возражала Катерина Ивановна.

— Да. Есть универсальные правила, чтобы всем было проще, спокойней, а главное, приятнее: меньше показной жалости и шепота центрального телевидения, больше улыбок... и спокойного тона... Не занимайте места для инвалидов, предлагайте помощь, если хотите... не говорите при ребенке о нем в третьем лице...

Сочтя взрослую беседу скучной, мы перестали концентрироваться на подслушивании, и я плюхнулась в Яшино кресло с большими колесами. Однако поехать на нем так же ловко, как это делал его обладатель, не получилось.

— А как коляска поворачивает? Есть задний ход?

— Сначала разберись с передним, — засмеялся Яша.

И действительно, это требовало времени, смекалки и большой силы.

— Вот почему у тебя такие крепкие руки! И как ты их не пачкаешь?

— У меня перчатки специальные, смотри. — похвастался мальчик. — Но ими я делиться не буду. Потеряешь еще.

Полсекунды я думала, что стоит обидеться, ведь меня растяпой считают, но быстро решила время на эти глупости не тратить, а воспользоваться возможностью и научиться управлять новым транспортным средством. И я принялась толкаться ногами назад, чтобы хоть как-то поехать.

Вслед прозвучало Яшино:

— Только потом поставь туда, где стояла!

Я засмеялась этой суровости:

— Тютелька в тюtelьку?

— Именно. — серьезно подтвердил мальчик. — Это же не самокат, не игрушка. А часть моего тела. И если коляска окажется не там, где я ее оставил, будет сложно обратно на нее забраться.

Мне стало совестно.

— Я об этом совсем не подумала. Извини.

— Ничего. — Он махнул рукой, как взрослый. — Я привык, что людям это непонятно.

— Но ты объяснил. Теперь и я все знаю, — оправдалась я, показывая, что стою общения, и принялась перекатываться с пятки на носок, таща себя и кресло обратно.

В школьном дворе показалась бабушка в новом берете с брошкой и длинном пальто. Короткими шустрыми шажками она подбежала к Катерине Ивановне сообщить, что забирает меня. И тут же замахала руками, делая круговые движения кистями, чтобы я поторопилась вернуть коляску на место и попрощаться с друзьями. Оказалось, в тот день моя старшая сестра впервые должна была пойти домой самостоятельно. А мы с бабушкой тайно за ней следовать, чтобы точно все прошло благополучно.

Идти на самом деле было совсем недолго. Прямо по Профессора Попова, перейти Каменноостровский проспект по светофору, а дальше либо повернуть до набережной Карповки и по ней дойти до дома, либо продолжить двигаться прямо до Иоанновского переулка. Тогда по набережной остается лишь крошечный кусочек. Но в одиночку все равно ходить не разрешалось, и мы с сестрой ждали лучших времен.

Бабушка так торопила меня, что я забыла обменяться номерами телефонов с Яшей, с которым уже успела договориться вместе поиграть в «настолки» как-нибудь после школы или в выходные. В одно время с группой продленного дня он гулять больше не приходил. А встретились мы с Яковом уже совсем взрослыми. И он, десятиклассник, меня, девятиклассницу, даже не узнал.

БАНТ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Сегодня мама заплела мне косичку «рыбий хвост» (на две волос не хватило). Она завязала резинки с пышными бантами сверху, у основания прически, и снизу. А потом долго любовалась результатом, прося меня пройти по комнате от окна до двери, как по настоящему подиуму. Атласная лента по каемочке и цвет топленого молока делали эти бантики нескучными и нежными. Те, в свою очередь, превращали любую девочку в принцессу. Мне подарили их на окончание детского сада или к первому учебному году. Предназначались они только для торжественных мероприятий, поэтому после стольких лет выглядели новыми.

Но какими бы нарядными ни были ленты, в третьем классе идти на линейку в честь первого сентября с детской прической не хотелось. Все уже давно использовали для волос «крабики». Это было по-взрослому и смотрелось элегантно. Полина, моя старшая сестра, даже приспособила такие для своего каре, нацепляя по маленькой желтой заколке с каждой стороны. Наша мама этого совершенно не понимала и продолжала меня убеждать.

— Это последняя возможность надеть такие нарядные банты.

— Ага! И опозориться в первый учебный день! Потому что никто больше так не вырядится, — протестовала я.

Мама возразила:

— Вовсе нет. Сегодня праздник! Уверена, все девочки из начальной школы придут такими же нарядными.

— Я и в пятом бантики носила, — авторитетно ввинтила Поля.

Сестра поправила выбившуюся прядь волос. При этом рукав школьного пиджака немного задрался, оголив запястье. На нем было не менее семи фенечек, сплетенных Полиной за лето. Ей как старшей разрешили их не обрезать и носить, пока сами не оборвутся. На каждый плетеный браслет загадывалось желание, которое должно было исполниться, как только сотрутся все нити мулине. Я мастерить украшения не умела, поэтому на руку сестры смотрела с завистью. Она же, подтрунивая надо мной, высунула малиновый язык и пошла завтракать.

Слова мамы оказались правдой. Первое сентября третьего класса день действительно уникальный, потому что это последний год, когда можно позволить себе что-то из детства: бантики, рюши, портфели с феями. В четвертом подобные вещи уже под строгим запретом. Наденешь — засмеют. Поэтому и другим девочкам мамы тоже заплели волосы лентами. А лица одноклассниц красноречиво показывали, что прически им навязали. И причем очень красиво!

Аня, с которой мы раньше общались, почему-то в мою сторону не смотрела. А крутилась у компании популярных девочек: Маши, Кристины и Оли. Вокруг гремела музыка, сустились взрослые и шумели дети. Они смеялись и весело разговаривали. Только я и Катюшка Сырникова оказались в стороне. В первом классе она дружила с Линой, но та переехала. Вроде в Москву.

Катюшка меня тоже углядела. И мы обе, косясь по сторонам, тихонько начали друг к другу подбираться. Ее волосы выгорели на солнце и теперь казались значительно светлее моих. Она все еще носила две короткие косички, сегодня украшенные бантиками, как и у всех девочек до четвертого класса. Кожа у одноклассницы, напротив, приобрела легкий коричневатый оттенок. Загар ей, без всяких сомнений, шел. И я бы сама с удовольствием так свою кожу приукрасила.

Мы непринужденно поздоровались:

- Привет, Катюшка.
- Привет, Компотова.
- Как лето прошло? — спрашиваю.

Возможная подруга оживилась и, вытерев рукавом кружевной блузки курносый облупившийся нос, радостно поделилась:

- С мамой в Алупку ездили. Я афалина настоящего гладила!
- Везет же... — отозвалась я, воображая, как тоже прикасаюсь к дельфину.
- А твое? — продолжила беседу Катюшка, закончив с носом.

Но оказалось, что мне рассказывать толком нечего. Пришлось старательно выискивать в памяти хоть чем-то примечательные события, которые могли бы сравниться с дельфином. Таких воспоминаний не оказалось. Пришлось говорить как есть.

- Мы с сестрой на даче были. И у бабушек гостили еще немного.

Мой ответ новую подружку не впечатлил. И она сменила задорный тон строгим и деловым:

— Не надо звать меня Катюшкой. Уже не в первом классе. Я Кати. Ударение на «и». Это на французский манер.

Я посмотрела на нее и поняла, какая она стала взрослая. Вероятно, все французенки именно так и выглядели.

— И ты меня Компотовой не зови. У меня имя есть! И вообще... Это даже не фамилия, — ответила я так же серьезно, чтобы соответствовать.

Катюшка засомневалась:

- Но все тебя вроде так зовут...
- А вот и нет! Я Нечаева. А Компотовой меня мальчишки дразнят.
- Давай уже за руки возьмемся, Мари, — сказала Катюшка, выделив «и» в моем имени.

— Ага, Кати, — повторила я.

И вот уже не так боязно было находиться на линейке среди сотен детей. Грядущий год перестал утрачивать тоскливыми днями. Мы радостно обсуждали планы на предстоящую четверть. Так и подружились. Только сидеть на уроках вместе нам все равно не разрешили.

В начальной школе рассаживали исключительно «мальчик-девочка». И меня снова отправили за вторую парту в среднем ряду, где с первого класса я соседствовала

с Ванькой. У него почти белые волосы, и он толстый, учится на одни тройки и ковыряет в носу мизинцем. Сосед общался с мрачным Колей, который напоминал члена «Семейки Адамс», и Саней — самым низким мальчиком во всех третьих (и даже вторых) классах. Зато он уже выучил все страны со столицами. С этим мелким Басовым и посадили Кати. Аньке же не повезло больше всех девчонок. Ее место оказалось рядом с Лешей Монаховым, который в том году на природоведении на вопрос: «Что такое полезные ископаемые?» — ответил: «Камни драгоценные, монетки всякие, вещицы занятные. Я вот, например, нож недавно нашел!»

После классного часа на этаж, где располагались кабинеты начальной школы, пришли одиннадцатиклассники. Они хотели сделать фотографии с первоклашками для выпускного альбома. Девушки выглядели очень взрослыми. И я подумала, что им повезло. Ведь этот год в школе для них последний.

Пока Кати раскладывала на парте содержимое нового пенала, чтобы красиво было, я притворилась, что смотрю в окно. А на самом деле наблюдала за тем, как прекрасные старшеклассницы высматривали самых нарядных малышей и позировали с ними в обнимку.

Ко мне подошли две выпускницы, вблизи оказавшиеся еще выше:

- Девочка, можно мы с тобой сфотографируемся?
- Я уже в третьем классе, первоклашки там, — показываю пальцем.
- Да какая нам разница! Давай? У тебя банты красивые.

Фотографироваться я, конечно, отказалась. Слишком взрослая. Да и одноклассники могли увидеть. Но про банты мама оказалась права. Даже жалко стало, что надела их в последний раз. То ли из-за красоты и задорности лент, то ли потому, что мама светила от счастья и даже немного плакала от умиления.

ПАТРИОТКА

Впервые за весь год мы учились в субботу. Выходной перенесли на понедельник, чтобы получилось сразу три дня отдыха подряд. Последний из них — Девятое мая, когда все пойдут на праздничный парад вместе с родителями. А в субботу всей начальной школе устроили поучительный День Победы.

Всех с первого по четвертый класс отвели в актовый зал, где нам показали «Смелого пуля боится, или Мишка принимает бой». Картина настолько впечатлила всех ребят, что я не слышала ни шепота, ни смешков. А когда в конце фильма у меня на глаза стали наворачиваться слезы, поняла, что я патриотка.

После кино уже наступила большая перемена, а потом нас ждал классный час, куда должны были прийти настоящие ветераны войны и рассказать свои истории. Из зала стали выводить классами. Сначала первый «А». Как только они вышли в коридор, но еще отчетливо слышался гул детских голосов, стали собирать у дверей первый «Б». Через минуту, когда уже стихло эхо первоклассников, наступил черед вторых. Их было целых три: «А», «Б» и «В». Дальше шли третьи классы. И только потом четвероклассники.

Ожидание было утомительным, и мы с Катюшкой стали обсуждать приближающийся перекус и праздники. Остальные наши одноклассники занимались примерно тем же самым. Про фильм почему-то все забыли. Наверное, оттого что устали и проголодались.

Перемена получилась более длительной, потому что к ней прибавились какие-то минуты от предшествовавшего урока, когда старшеклассники учились, а мы досматривали кино про пионера Мишку. И вот нам хватило времени не только спокойно поесть и сбежать в туалет, но и вдоволь поноситься по широкому коридору и пообщаться.

Устав от игры в стеночки, мы с Кати (с непременным ударением на «и») пристроились у одного из подоконников напротив входа в кабинет. Сначала мы смотрели в окно, за которым все было радостно и зелено. А потом я решительно поделилась с подругой сокровенными мыслями, которые казались мне невероятно серьезными и важными.

— Знаешь, я — патриотка!

Пока Кати многозначительно оглядывала меня, я с завистью смотрела на две ее еще немного отросшие косички, которых сама лишилась на весенних каникулах и продолжала о них с горечью вспоминать.

— Я, наверное, тоже.

— А почему только «наверное»? — уязвленно спросила я. — Вот придут какие-нибудь фашисты, будешь Родину защищать?!

Округлив глаза и надув губы, подруга медленно произнесла:

— Мари, ты на меня давишь. В дружбе так не делают. Зачем пытаешься найти недостаточный патриотизм? Ты же меня знаешь! Я сразу стану разведчицей, пулеметчицей или медсестрой.

Задумавшись, я поняла, что Кати права. Меня действительно так впечатлили фильм и всякие передачи по телевизору в преддверии Дня Победы, что я стала какой-то нервной. И почему-то — подозрительной.

К нам подошел Саня Басов. В огромном форменном пиджаке мальчишка казался еще меньше ростом. Однако и это не мешало ему задирать нос. Саша принялся за исследование карты мира еще в детском саду, и родители у него были какими-то учеными. Так что одноклассник часто козырял непонятными фразами.

— Патриотки, значит? — спросил он.

— Да. — ответили мы хором.

— А в чем ваш патриотизм?

Мы переглянулись. Кати толкнула меня плечом, показывая, что отвечать не собирается.

— Нас очень тронул фильм. И все военные подвиги в Ленинграде тоже!

Я была уверена, что утерла нос этому зазнайке. Но не тут-то было, потому что Саня уточнил:

— Так патриотизм для вас — это над фильмами плакать и историями ветеранов восхищаться?

Мальчик улыбался, понимая свое превосходство. Я взглянула на Катюшку, ища поддержки и немного укоряя ее за то, что отдуваться приходилось в одиночку.

— Еще мы гордимся!

— Чем? — развел он руками и театрально посмотрел по сторонам.

В один голос мы с Кати произнесли хорошо известный всем ответ:

— Победой, конечно.

И только повернули друг к другу головы, недоумевая от того, какой этот Саня все-таки непонятливый, как он снова заставил наши ладони похолодеть. Демонстрируя, будто вся беседа идет по его коварному плану, мальчик ехидно улыбнулся.

— А еще чем?

Снова нам пришлось переглядываться, ведь обе не совсем знали, что говорить.

— Гагариным? — робко уточнила Кати.

Вместо ответа мальчишка шлепнул себя ладонью по лбу, замотал головой и все-таки заговорил:

— А сейчас? Сегодня вы чем-нибудь гордитесь? Ведь Родиной надо восхищаться не где-то там и когда-то там, пусть даже великими людьми и делами, а в настоящий момент. Так мой папа говорит. А он, знаете ли, доктор наук!

Подруга тут же шепнула мне на ухо:

— Вот нашелся — самый умный. И папа у него — доктор «паук»!

Я хихикнула. А Кати, глядя в глаза однокласснику, добавила:

— Это не нам решать. Мы просто патриотки. И без дурацких вопросов!

Теперь и Саня замялся:

— А кому решать-то?

— Президенту, политикам всяким... Священникам, может быть... — предположила моя ЛПН (лучшая подруга навсегда).

Говоря это, Кати тоже почувствовала себя умной и значимой. Ее щеки вспыхнули, на лице заиграла довольная улыбка. И из скукоженного состояния неуверенности она выпрямилась и стала тянуться макушкой к потолку, чтобы сравняться со мной ростом. Этого я никак не могла позволить и тоже стала вытягиваться.

— Хорошо, допустим, — продолжил мальчик. — А патриотизм ваш еще в чем-то выражается?

— Если фашисты нападут, то драться пойдем! — снова внедрилась я. — А ты нет?!

— И я пойду, — сказал Саня, и глаза его погрустнели.

— Вот! — вклинилась уже не стеснявшаяся Катюшка. — Мы за Родину умереть готовы!

И не успела подруга продирижировать рукой свою великую и трагическую фразу, как нам подкинули новую задачу:

— А жить?

— Что — жить? Не понимаю... — замямила Кати и растерянно взглянула на меня.

Стало казаться, что время замедлилось. Я впала в ступор от простого, но очень сложного вопроса. И Саня понял, что победил. Заулыбавшись еще шире, он продемонстрировал зубы со скобками. Ни о какой печали во взгляде речи уже не было.

— Для этого надо ответить на вопрос: что для вас Родина и что такое патриотизм? Вообще, мой папа говорит, что полезно задаваться вопросами. Так умнее.

Он театрально замолчал, собираясь поразить нас очередными познаниями.

— Санек! Иди к нам! — послышался издалика голос моего соседа по парте — Вани Мельникова.

Проигнорировав друга, классный умник многозначительно на нас посмотрел, давая ощутить себя недостаточно сообразительными. И вот он было открыл рот, как подошел Ванька.

— Ты чего это — во «француженки» подался? — улыбался одноклассник, радуясь своей острой шутке.

Мальчишки часто так над нами подтрунивали, потому что мы звали друг друга на французский манер — Мари и Кати.

— Патриотизм обсуждаем, Ванес, только и всего, — отрезал умник.

— Я с вами могу, — сказал сосед по парте, потому что был тайно влюблен в мою подругу и уходить не хотел.

— Мы патриотки, — заявила Кати. — А ты?

— Я тоже! — радостно отозвался большой, точно медвежонок, Ваня.

На что подруга тут же задала свой каверзный вопрос:

— А за Родину сражаться готов, если придется?

Мальчик насупился, выпрямил вдоль туловища руки и сжал кулаки:

— Мой папа говорит, что война — это страшно. Он был в Афганистане в восьмидесятые. И точно знает: ни за что нельзя такое допускать. Никогда-никогда.

— А если по нам ударят? — уточнила я. — Как же не сражаться?

— Вот если нападут, тогда защищаться будем. Но лучше, чтобы вовсе не нападали.

В этот момент сосед показался мне каким-то взрослым. Обычно Ваня плохо справлялся с учебой, ковырял в носу и говорил глупости. И я привыкла относиться к нему снисходительно, считая, что ему очень повезло сидеть за одной партой с такой классной девчонкой. Но теперь я чувствовала, что мысли, которые он озвучил, были отнюдь не детскими.

— А если враги где-то в другом месте, пойдешь? — спросила Кати.

Снова сведя уже начавшие расслабляться брови, Ванька приложил к губам кончик указательного пальца и уставился в окно. На выручку пришел его друг. Возможно, они тоже были ЛДН (лучшие друзья навсегда).

— Защищаться — долг каждого гражданина. А вот нападать — преступление.

— Даже на врагов? — уточнила Кати и сжала губы, образовав на них множество складочек, прямо как бабушка иногда.

— Настоящие враги — те, кто пришел на твою землю. А с остальными всегда можно договориться. Дипломатия это называется. В старшей школе, может, изучать будете. Или в университете, — он смерил нас оценивающим взглядом, — если поступи-те, конечно.

— Снова умничаешь! — возмутились мы.

И вдруг глаза подружки сверкнули:

— Стойте. Афганистан — это же не город? Это не Россия?! Почему тогда твой папа там воевал, если так нельзя?

— Конечно, не город! — вспыхнул Санек. — Это другая страна.

Ванька вдруг стал еще более серьезным, хотя обычно никогда таким не бывал.

— Папа говорит, это очень сложно объяснить, а я еще не дорос. Он немного рассказывал о войне. Но там люди превращаются в страшных зверей! И нет там ни капельки хорошего и возвышенного. Мама говорит, что это он с тех пор алкоголик.

В классных дверях показалась Надежда Петровна, привлеченная нашими голосами. Вид у нее был привычно недовольный.

— Твой папа — алкоголик?! — с ужасом и удивлением вскрикнула перепуганная Кати, чья мама называла алкоголизм одним из самых страшных грехов.

Но вместо ответа к нам прилетел вопрос от взрослого:

— Что это вы такое обсуждаете?

— Патриотизм и в чем он заключается.

Учительницу ответ почему-то не обрадовал, и она грозно сказала:

— Настоящий патриот делает для своей родины то, что должно.

— Нет! — возразил Саня Басов. — Надо всегда сначала думать, а потом делать. Вы же сами нам говорили. А если скажут с моста прыгать?!

— В таких вопросах не вам решать, ребята, — классная руководительница погрозила пальцем.

— А что подразумевает патриотизм, Надежда Петровна? — продолжил гнуть свою линию Саня.

Ответ был сух и краток:

— Верность отчизне.

— В чем же она заключается? Это же можно легко обмануться... Мой папа говорит...

Мальчик был резко прерван учительницей:

— Твой отец будет вызван в школу, если не прекратишь пререкания. Не вам, со-плякам, такими вопросами задаваться.

Надувшись и насупившись, Санек сложил руки на груди и уперся спиной о высокий подоконник. А Надежда Петровна развернулась и было пошла в кабинет.

— Как это — не нам? Разве дети не цветы? Не будущее?

Классная обернулась и с непониманием оглядела почему-то не только одного умника, а всех четверых. Это показалось странным, потому что учителя обычно все понимают. На то они в школе и работают.

А Саня Басов все не унимался. Нам же представлялось, что он роет могилу всей компании. Или, точнее, оказывает медвежью услугу (как говорит Надежда Петровна). Это когда какой-то человек хочет помочь другому, но на самом деле только вредит. К примеру, говорит, какой ответ в задаче, и не дает человеку самому разобраться. В итоге тот имеет ответ, но не знает решения.

— Кому, если не нам, думать о любви к Родине? Ведь нас воспитывают, чтобы мы сами стали учителями и президентами.

— Вот станешь президентом, будешь над такими вещами задумываться. А сейчас твое дело — слушать взрослых.

Отчеканив окончательный вердикт, классная удалилась с высоко поднятой головой. Я даже удивилась, как это над макушкой не виднелся кончик носа. А пока я думала об учительской голове, ребята молча переглядывались и решали, как бы нам всем разойтись и лиц своих патриотических при этом не потерять.

— П-с-с, п-с-с, — шепнула Катюшка вслед будущему президенту.

— Чего вам?! — ожидая издевки, нахмуренный и даже немного злой Саня Басов обернулся.

— Мы с Марьей Игоревной за тебя обязательно проголосуем!

И вот уже с улыбкой на лице классный умник побежал гонять мяч с мальчишками оставшуюся от перемены минуту. А мы с Катериной Александровной решили из французенок превратиться в русских девиц-красавиц, мечтая, как у меня отрастут волосы к сентябрю и можно будет заплести одинаковые косы.

Вечером, сидя за чаем, я поделилась со всей семьей:

— Я патриотка!

Родители переглянулись и собезьянничали друг на друга, поджав губы и округлив глаза.

— Хорошо, Мариночка, — сказал папа серьезным тоном. — Мы очень рады.